

Юлия П. Шапченко

Граф А. К. Разумовский – государственный деятель и помещик (1748–1822)

Sztuka Europy Wschodniej Искусство Восточной Европы Art of Eastern Europe 1, 121-134

2013

Artykuł został opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

POLSKA – ROSJA: SZTUKA I HISTORIA
 Польша – Россия: Искусство и История
 Том I

Юлия П. Шапченко

Российская Государственная библиотека, Москва

Граф А. К. Разумовский
 – государственный деятель и помещик (1748–1822)

Алексей Кириллович Разумовский (1748–1822), старший сын гетмана Малороссии, Кавалера ордена Польского Белого Орла графа К. Г. Разумовского, представитель рода, согласно официальной версии ведущего свою историю от знатной польской фамилии Рожинских, долгое время был занят на государственной службе, не питая к ней ни малейшей склонности, повинувшись лишь чувству долга (илл. 1).¹

¹ Согласно выданному в 1744 г. Патенту на графский титул, род Разумовских происходит от „знатной фамилии Польского королевства Рожинских, из которой фамилии Роман Рожинский поселился в малороссийских городах, где его потомки, от своих полезных заслуг и многих благополучных советов употребляемое ныне прозвание Розумовских получили”... По другим источникам, Разумовские произошли от казака Григория Розума и Натальи Демешки (Розумихи) из села Лемеша на Черниговщине. Вымышленная генеалогия – нередкое явление в истории русских дворянских фамилий. Своим возвышением Разумовские обязаны старшему сыну Розума Алексею (1709–1771), который был певчим в церковном хоре и волею случая оказался объектом любви цесаревны Елизаветы, дочери Петра I, еще до ее официального восшествия на престол. После воцарения императрицы на Российском престоле, Алексей Розум превратился в Разумовского, и стал ее фаворитом. Брат его, Кирилл Григорьевич Разумовский, был отправлен на обучение за границу, и по возвращении назначен президентом Академии наук, а затем избран гетманом Малороссии, прослужив в этой должности до ликвидации гетманства в 1764 г. и получив немало знаков

Илл. 1. И. Б. Лампи Старший, *Портрет А. К. Разумовского*

Наряду со своими братьями, первенец мало-российского гетмана Алексей получил блестящее образование как в России (отец приглашал ведущих профессоров Академии наук), так и за рубежом: в Германии, Италии, Франции, Англии. С 1769 до 1788 гг. он служил при русском императорском дворе, вначале камер-юнкером, затем действительным камергером. Однако придворная служба тяготила молодого графа: дворцовые интриги, фаворитизм, бездеятельная жизнь были ему не по нраву. Немногочисленные биографы Разумовских подтверждают неуживчивый характер Алексея Кирилловича, одновременно подчеркивая его эрудицию и страсть к научным занятиям. По словам русского мемуариста Ф. Ф. Вигеля „все сыновья гетмана Кирилы Разумовского были начинены французской литературой, облечены в иностранные формы, любезные при дворе и несносные вне его аристократы”.² Личность А. К. Разумовского представляется нам парадоксальной. С одной стороны, он жаждал деятельности на благо Отечества, был одержим страстью к естественным наукам, покровительствовал ученым обществам, с другой – являл пример деспотичного отшельника, которого даже близкие родственники тяготили своим присутствием. В те времена для развода супругам был нужен очень важный повод. Тем не менее, Алексей Кириллович, прожив в браке с богомольной, воспитанной в патриархальном духе, графиней Варварой Петровной Шереметевой (1750–1824) десять лет, внезапно расстался с ней по причине несходства характеров и выслал ее из своего дома к родителям, оставив на свое попечение четверых детей. Помимо рожденных в браке, он также имел незаконнорожденных детей от дочери своего берейтора, дав им фамилию Перовские, по названию подмосковной вотчины Перово, также принадлежавшей семье графа. После развода Разумовский совершенно удалился от светского общества, и стал редко видаться не только со знакомыми, но даже с ближайшими родственниками. Отставка, которой он с таким упорством добивался, поначалу его устраивала, позволяя жить независимо от прихотей высших чиновников и устроить личные дела по-своему, однако вскоре сменилась неудовлетворенностью

от того, что его ум и способности не имеют выхода и не могут принести пользы Отечеству.³

Вернуться к императорскому двору граф не пожелал, так как, воспитанный в духе западного вольнодумства, не умел приноравливаться и интриговать. Оставалась государственная служба. Но здесь получить место, соответствующее его карьерным устремлениям, оказалось непросто. Еще в правление Екатерины II Разумовскому было пожаловано звание тайного советника и сенаторская должность. Однако и на этой службе граф не задержался: слишком ценил собственную независимость и был несговорчив. Так, он не согласился с одним законом, который Екатерина представила на обсуждение в Сенат. Прения затягивались из-за одного голоса А. К. Разумовского, не одобрявшего проект. Лишь после личного требования императрицы граф повиновался, однако через непродолжительное время вновь вышел в отставку и удалился от дел в Москву.

Все царствование императора Павла I А. К. Разумовский провел в длительной отставке, занимаясь обустройством своих московских имений, в числе которых был сохранившийся до наших дней роскошный дворец на реке Яузе, занимавший полквартала. Постепенно граф увлекся учениями масонов, в идеологии которых его привлекала возможность встретить образованных людей, сплоченных идеями служения обществу. К началу XIX века в Москве и Санкт-Петербурге действовало множество масонских лож, мода на членство в которых росла в дворянском обществе с каждым годом. Вскоре граф вступил в новообразованную масонскую ложу *Capitulum Petropolitanum* под предводительством О. Поздеева, имевшего на Разумовского большое влияние.

Пребывая в добровольном заточении, Алексей Кириллович не терял времени даром – он превратил свое подмосковное имение Горенки, выделенное ему отцом в качестве доли наследства, в образцовую усадьбу (илл. 2). Не щадя издержек, граф создал в Горенках научный ботанический сад, считавшийся чудом Московской губернии и прославивший его создателя на всю Россию. В то время это был единственный частный ботанический сад, обустроенный по всем правилам передовой науки. Помимо стра-

отличий за беспримерную службу. См. Васильчиков (1880: т. 1: 25); Половцов (1910: 426).

² Вигель (1928: 54).

³ См. Хотсенков, Иванова (1999: 152).

сти к ботанике, граф Алексей Кириллович был одержим страстью к строительству. Он тратил огромные средства на устройство как своих многочисленных городских усадеб, так и поместных наследственных владений. При нем в Горенках по проекту шотландского архитектора Адама Менеласа были заново выстроены трехэтажный дом-дворец, церковь, оранжереи, теплицы, конюшни, множество павильонов, беседок, мостиков, миниатюрных языческих храмов и руин, ряд хозяйственных построек. Расходы на устройство и содержание дома, подсобного хозяйства, английского сада с гротом, многочисленными беседками и садовой скульптурой, зверинца, водопада на пруду и пр. оценивались в 1 млн. рублей. Огромное состояние, полученное графом от отца, позволяло ему тратить гигантские средства без ущерба для себя.⁴ Граф тщательно проверял все сметы и расходные ведомости, и строго взыскивал с работников за малейшую провинность. Он также любил выписывать из-за границы самые передовые технические новинки, например, устройства для отопления, освещения или полива растений в теплицах.⁵

Своим совершенством горенковский сад был обязан не только ревностному увлечению его владельца ботаникой, не только огромным материальным затратам, но и удачному выбору ученых, ухаживающих за садом. Горенки в течение нескольких лет посещал профессор Московского университета Франц Христиан Стефан, при котором были созданы первые оранжереи и ставились опыты по акклиматизации теплолюбивых растений в условиях умеренного климата. Преемником Стефана стал молодой профессор ботаники Иван Редовский (погибший в научной экспедиции). При нем появились первые значительные успехи как в области установления контактов с известнейшими садоводами того времени (включая обмен образцами), так и в практических вопросах, касающихся ухода за растениями.⁶ Он прививал в Горенках растения из Китая, Индии и Америки, не менее трудоемким процессом оказалось выращивание в средней полосе России хладолюбивых деревь-

Илл. 2. Неизвестный художник, Вид усадьбы Горенки, рисунок тушью и пером с отмывкой кистью

ев Сибири. Горенское собрание сибирской флоры не имело аналогов ни в одном ботаническом саду Европы. Редовский составил первый подробный систематический каталог, в котором зафиксировал 3000 селекционных горенских растений, исключая местную флору.

В помощь ему был определен выпускник Галльского университета, доктор медицины Фридрих Эрнст Людвиг фон Фишер (или Федор Богданович, как его называли в России). Во многом разнообразию растений и искусному содержанию и уходу сад в Горенках был обязан заботам Фишера.⁷ Последний обустроил 40 каменных теплиц протяженностью свыше полутора километров, в которых растения были объединены в соответствии с их расселением в дикой природе разных стран. В теплицах росли плодовые растения: более двух тысяч сортов ананасов, различные виды винограда, костянок и пр. 14 примыкающих к ним деревянных теплиц предназначались для научных целей – выращивания новых пород, проведения экспериментов по скрещиванию, адаптации растений и пр. Каждое растение имело личный номер и табличку с латинским названием. В каждой теплице поддерживался индивидуальный температурно-влажностный режим. Всего в Горенках, согласно каталогам растений, насчитывалось около 9000 видов растений из разных стран.⁸

Благодаря обширной переписке с ведущими специалистами разных стран, коллекции Горенок пополнялись также за счет присылки необходимых растений, книг или минералов

⁴ Согласно опубликованным архивным данным, Алексей Кириллович получил в наследство от отца 6244 крепостных крестьян, а также села в Малороссии, Подмоскowie, Рязанской губернии. См. Любецкий (2008: 535).

⁵ Тарунов (1992: 102–109); Любецкий (2008: 526, 539).

⁶ Липшиц (1947: 312).

⁷ Любимов (1914: 201).

⁸ Корсаков (1810).

из-за границы. В главном усадебном доме Горенок был выделен целый флигель для хранения коллекции гербариев, редких минералов и окаменелостей. Граф Разумовский щедро оплачивал расходы ботаникам, путешествующим в составе научных экспедиций русского посольства во все концы света, из которых ему привозили семена или саженцы. Несмотря на нехватку времени для научных исследований, Фишером был издан каталог растений Горенок, в котором зафиксировано свыше 50 разновидностей пальм, агав и кактусовых, сахарный тростник, бамбук, чайные, кофейные, оливковые и мангровые деревья, камфара, ваниль, железное дерево и множество других уникальных растений, растущих в удаленных уголках планеты.⁹

Огромное собрание книг по естественным наукам хранилось в специально построенном помещении библиотеки. В ней ежедневно занимались русские и иностранные ученые-ботаники, приезжавшие в Горенки с научными целями. На берегу пруда был выстроен семенарий – хранилище семян, где, помимо обычных для средней полосы, сберегались редкие и даже никому не известные за пределами сада. При входе в усадьбу близ восточных ворот существовал „развадник” – садовый питомник, где каждый желающий мог приобрести редкие растения за умеренную плату. При усадьбе также работала больница и круглосуточная аптека.

Популярность сада в Горенках росла столь быстрыми темпами, что возникла необходимость создания научного общества, дававшего возможность ученым из разных стран получить доступ к изучению и популяризации коллекций графа Разумовского. В 1810 году было учреждено первое в России Фитографическое общество, издававшее ботанические каталоги и научные сборники.¹⁰

Оранжереи, располагавшиеся в цокольном этаже по всей длине дворца, являлись гордостью хозяина, там были созданы искусственные сады (летний и зимний), состоявшие из апельсиновых и лимонных деревьев, образующих длинные трехрядные аллеи. Урожай плодов снимали несколько раз в год. Из оранжерей был ход на террасу, украшенную мраморными статуями

и вазами. Изредка граф Алексей Кириллович приглашал к себе в усадьбу друзей погостить и отведать редкие плоды не только летом, но и зимой: оранжевые дыни, пудовый арбуз, янтарный виноград, персики и абрикосы, золотистые ананасы, мандарины и апельсины и прочее, в Горенках был как будто остаток божественного рая, вечная улыбчивая весна (илл. 3).¹¹

Один из современников Разумовского, посетив в 1810 г. усадьбу Горенки и ботанический сад, сокрушался: „Как жаль, что подобное заведение не содержится на иждивении Правительства и что (как вероятно и случится) смерть Графская прекратит существование оногo”. Опасения оправдались. После смерти графа в 1822 г. Фишер был отозван в Петербург для управления Императорским ботаническим садом.¹²

Однако во времена расцвета горенковского сада графа Разумовского сопровождал шумный успех и внимание московского общества. В итоге, Сенат предложил его кандидатуру на ставшую вакантной в связи со смертью графа Муравьева должность попечителя Московского учебного округа, которую Разумовский занимал с 1807 по 1810 гг. по личному распоряжению императора Александра I. Поступок императора, назначившего на столь ответственный пост человека, длительное время находившегося вдали от двора и прежде никак не связанного с вопросами образования, можно объяснить тем, что Александр I, стремившийся в первые годы своего правления к либерализации общества и проведению реформ, делал ставку на широко образованных и просвещенных людей, способных в этом ему помочь. Алексей Кириллович имел репутацию вольнодумца, к тому же, граф

¹¹ См. Любецкий (2006: 128).

¹² В 1823 г. Аптекарский сад в Петербурге был преобразован в Императорский ботанический сад и Фишер до 1850 г. являлся его бессменным руководителем. Парадоксален факт, что еще будучи на посту попечителя Московского университета, владеа богатейшим собранием мировой флоры, содержа штат ученых-исследователей, Разумовский категорически отказался от устройства публичного ботанического сада при университете, более того – при нем ранее скудные ассигнования на исследовательскую работу в Аптекарском саду вообще свелись к минимуму, вследствие чего, сад чуть было не был закрыт. После смерти Разумовского по иронии судьбы множество редких растений и коллекции гербариев из Горенок были перевезены в московский и петербургский сады. Его богатейшее собрание книг по естественным наукам вошло в фонды петербургской библиотеки Ботанического сада. См.: Ботанические сады (2007: 28–32).

⁹ Fischer (1812).

¹⁰ Общество занималось описанием и каталогизацией растений (фито-растение, графо-пишу, лат.).

Илл. 3. Неизвестный художник, *Вид усадьбы Горенки*, начало XIX века, акварель

был давно известен своими связями с Московским университетом: председательством в Обществе испытателей природы, участием знаменитого графского крепостного оркестра и хора в мероприятиях университета.¹³

На должности попечителя Московского учебного округа Разумовский с головой ушел в работу – вероятно, сказался длительный простой и жажда деятельности. За два года, с 1807 по 1809 гг. он смог значительно поднять престиж Московского университета в дворянских кругах, добившись дополнительных субсидий, приглашая к преподаванию крупных отечественных и иностранных ученых, под его покровительством при университете работало несколько научных обществ.¹⁴ Граф, как и прежде, много времени отдавал Горенкам. Интересы личного ботанического сада он соединял с интересами Московского университета, оплачивая далекие экспедиции ученым, пополнявшим по возвращении и коллекции редких растений и минералов. При графе университетской типографией было напечатано множество учебников и пособий по различным видам наук, также Разумовский хлопотал о пенсиях для преподавателей,

создав для этой цели специальный фонд, мечтал он и о выделении университету новых помещений в здании бывшего Екатерининского дворца в Лефортово, однако этому проекту не удалось осуществиться, после чего Алексей Кириллович начал вновь думать об отставке.¹⁵

Однако в 1809 г., после успешного посещения Московского университета императором Александром I, попечитель был удостоен высоких похвал, к тому же, несмотря на свой угрюмый и раздражительный характер, при случае граф умел блеснуть в обществе своей эрудицией, утонченным обхождением и светскими манерами. Неудивительно, что вскоре он был отозван в Петербург на службу в связи с назначением его Министром народного просвещения, сменив на этом посту престарелого графа П. В. Завадовского. В светском обществе это событие было встречено с легкой иронией: так московский генерал-губернатор Ф. В. Ростопчин подчеркивал, что Разумовский „оставил службу еще при императрице Екатерине и опять вступил в нее... чтобы получить чин и несколько орденов, которых недоставало его честолюбию”, а Ф. Ф. Вигель в записках заметил: „От любезных Разумовскому теплиц оторвали его, чтобы поручить рассадники наук”... и выразил сомнение, что граф

¹³ Ростопчин (1992: 251).

¹⁴ Граф покровительствовал Императорскому вольному обществу испытателей природы, Обществу любителей российской словесности, Физико-медицинскому обществу, Обществу истории и древностей российских. См. ОПИ ГИМ (526: ед.хр. 51–52).

¹⁵ Екатерининский дворец был отдан еще при Павле I под солдатские казармы; в преддверии войны с Наполеоном военный министр А. А. Аракчеев не разрешил выселять их из дворца. ОПИ ГИМ (526: ед. хр. 51–52).

будет хорошим министром просвещения, так как „между ученым и любителем науки – великая разница”.¹⁶

Назначение А. К. Разумовского на пост министра совпало с новой реформой центрального управления. В 1810–1812 гг. были созданы Государственный совет и Комитет Министров, на рассмотрение которых выносилось большинство вопросов, ранее адресовавшихся напрямую императору. Министерство народного просвещения было включено в список наиболее влиятельных государственных учреждений, наряду с министерствами Иностранных дел, Внутренних дел, Финансов, Государственным казначейством. В ведение Министерства находились все ученые общества, академии, университеты, все общие учебные заведения и медицинские факультеты. Духовные семинарии, военные и узкоспециализированные училища подчинялись другим ведомствам, однако в части общеобразовательных вопросов должны были согласовывать их с Министерством просвещения.¹⁷

Основным совещательным органом при Министерстве являлось Главное правление училищ, в состав которого входили попечители университетов и их учебных округов. Всего в Российской Империи было пять учебных округов – Московский, Санкт-Петербургский, Казанский, Харьковский и Дерптский.¹⁸ С последним разделом Польши, земли, ранее входившие в состав великого княжества Литовского, были включены в состав Российской империи. В связи с этим, был образован шестой учебный округ – Виленский, центром которого являлся университет в городе Вильно. В соответствии

с Императорским указом об обязанностях Главного правления училищ, попечителям следовало быть осведомленными о деятельности учебных заведений во вверенном им округе, заботиться о них, отвечать за благоустройство округа, докладывая о своей деятельности непосредственно Министру народного просвещения.¹⁹

Заняв пост министра, граф А. К. Разумовский, несмотря на свое недовольство существующими в Министерстве порядками, кардинальных изменений в его структуру не внес, оставив на посту даже тех людей, к которым питал личную неприязнь. Так, по свидетельству историка Н. И. Греча, граф ненавидел правителя дел Комиссии об учреждении училищ И. И. Мартынова, желая сделаться министром только для того, „чтоб выгнать этого негодного человека”. Однако к удивлению окружающих, Разумовский не только не выгнал Мартынова, но даже назначил его на должность директора своей канцелярии. Когда графа спросили, почему он не держит данного слова, он ответил: „Вы не поверите, как мне приятно, когда этот бывший враг мой докладывает мне, стоя навтыжку, и потом засыпает песком, когда я подписываю бумаги”.²⁰

Министерская деятельность А. К. Разумовского совпала по времени с трагическими событиями в России – Отечественной войной 1812 г. В преддверии нашествия наполеоновских войск, во время военных действий и первые послевоенные годы государство менее всего было озабочено проблемами просвещения.²¹ С самого начала деятельность Разумовского на посту министра была ограничена недостатком средств.²² Помимо скудного ассигнования из государственного бюджета, учебные заведения получали пожертвования от частных благотворителей. Деятельность меценатов до войны 1812 г. никак не поощрялась, однако в послево-

¹⁶ См. Ростопчин (1992: 282); Вигель (1928: 82).

¹⁷ См. Рождественский (1902: 41–51).

¹⁸ Московский округ составили губернии Московская, Смоленская, Калужская, Тульская, Рязанская, Владимирская, Костромская, Вологодская, Ярославская, Тверская; Виленский – губернии Виленская, Гродненская, Витебская, Могилевская, Минская, Волынская, Киевская, Подольская и Белостокская; Дерптский округ – губернии Лифляндская, Эстляндская, Финляндская, Курляндская; Санкт-Петербургский – губернии Санкт-Петербургская, Псковская, Новгородская, Олонекская, Архангельская; в Харьковский округ вошли Слободско-Украинская, Орловская, Воронежская, Курская, Черниговская, Полтавская, Николаевская, Таврическая, Екатеринославская губернии и земли донских и черноморских казаков; Казанский – губернии Казанская, Вятская, Пермская, Нижегородская, Тамбовская, Саратовская, Пензенская, Астраханская, Кавказская, Оренбургская, Сибирская, Тобольская, Иркутская. См. Сухомлинов (1889).

¹⁹ См. Рождественский (1902: 80–83).

²⁰ Греч (2000: 189).

²¹ См. Рождественский (1902: 42–43).

²² Бюджет Министерства народного просвещения во время управления графа Разумовского колебался между 2.782.277 руб. 36 ¼ коп. и 2.351.788 руб. 21 ½ коп. С 1812 по 1815 гг. этот бюджет ежегодно уменьшался. Из этих сумм 1.588.729 руб 3 ¼ коп. шли на университеты (Московский – 134000, Дерптский – 126000, Харьковский – 95000 руб.), гимназии и уездные училища – 112263 руб. 55 ¾ коп., на Академию наук – 46100 руб., на медико-хирургическую академию – 378230 руб. 10 коп., на содержание министра – 20960 руб. и т.д. См. Рождественский (1902: 52–53).

енное время, когда каждый благотворитель был буквально „на учете”, Разумовский предложил систему поощрительных мер и наград жертвователям на нужды учебных заведений. Он предлагал публиковать в столичной печати имена меценатов и суммы пожертвований, с занесением золотыми буквами на мраморную доску учебного заведения, взнос не менее 3 тысяч рублей давал право благотворителю поместить в училище свой портрет. Крупные жертвователи награждались „Высочайшим благоволением в рескрипте к нему за Императорским подписанием”, а также золотыми медалями. Солидные завещания давали право на установку в актовом зале учебного заведения памятника жертвователю на пьедестале...с эпитафией. Была также учреждена должность почетных смотрителей уездных училищ из местных помещиков – покровителей наук.

А. К. Разумовский был уверен, что среднее образование – насущная необходимость для России, поэтому делал все возможное для его сохранения, при нем открылось 72 приходские школы, 24 уездных училища, одно городское и сиротское училище в Москве. Однако приоритетом для Министерства народного просвещения стал вопрос о реформировании системы среднего и профессионального образования. При гимназиях и уездных училищах открывались особые классы для преподавания специальных дисциплин: при Херсонской гимназии в 1814 г. был учрежден мореходный класс, при Ревельском уездном училище – коммерческий. Возникли коммерческие гимназии в Одессе, Риге, Таганроге. Открывались училища для греческой и армянской диаспор, благотворительные пансионы для слепых, содержавшиеся на частные пожертвования. Особое внимание министр уделял подготовке медицинских кадров, добившись приема в медицинские училища мещан, солдатских детей, разночинцев. Выпускники медицинской академии автоматически получали низший служебный чин и освобождались от налогов.

Стараниями Разумовского должность ректора в университетах стала выборной на 3 года, ранее ректоры сменялись ежегодно, что не способствовало эффективной работе учебной части. Кроме того, уделяя важное внимание подготовке отечественных педагогов, граф неоднократно обращался к императору с проектами создания учительских институтов при главных

Илл. 4. Й. Олешкевич, Портрет А. Е. Чарторыйского

университетах страны, ему удалось добиться этого в Казанском и Харьковском округах. При Разумовском оживилась деятельность научных университетских обществ, кроме того, министр всячески поощрял развитие Публичной библиотеки в Санкт-Петербурге и университетских книжных собраний.

Вопросом огромного политического значения в России было устройство учебного дела в ее Западном крае, в областях, отторгнутых от Польши при Екатерине II. В глазах деятелей польской интеллигенции западнорусские области оставались польскими провинциями: народное просвещение в духе польской государственной идеи признавалось важным фактором возрождения Польши. Обстоятельства первых лет царствования императора Александра I сложились благоприятно для планов польских патриотов. Руководителем учебного дела в западных губерниях соединенных в обширный Виленский учебный округ, стал один из самых просвещенных людей своего времени, бывший Министр иностранных дел России, князь Адам Ежи Чарторыйский (илл. 4), друг и соратник

Александра I, пользовавшийся громадным влиянием на молодого государя, и полным доверием и уважением первого Министра народного просвещения П. В. Завадовского.

Время управления Министерством графа А. К. Разумовского было значительно менее благоприятно для образовательной политики князя Чарторыйского и его сотрудников. Новый министр уже не питал к ним такого неограниченного доверия, за которое князь Чарторыйский горячо восхвалял его предшественника, графа Завадовского; наоборот – в высших правительственных сферах не без поддержки Разумовского получили сильное влияние иезуиты, прямые враги учебной системы князя Чарторыйского, который уехал за границу в 1810 г. и только через шесть лет снова вступил в должность попечителя. Только продолжительное отсутствие Чарторыйского в России позволило ему избежать прямых столкновений с имевшим тогда при дворе значительный авторитет Разумовским. Мы ограничимся источниками, относящимися лишь к действиям, касающимся непосредственно учебного ведомства, без затрагивания политических аспектов.

На должности попечителя Виленского округа князь Чарторыйский мог смело направить свою деятельность на возрождение политической независимости Польши. Чарторыйский сам говорил, что главной его заботой было дать общее направление округу, а в подробности училищного устройства и быта он не мог входить, будучи занят другими важными обязанностями и уезжая надолго в Петербург, Варшаву и за границу. Изредка посещая Виленский университет и училища вверенного ему округа, Чарторыйский делал распоряжения, характеризующие его позицию в отношении современного ему образования.

Князь содействовал зарубежным стажировкам успешных в учебе студентов и будущих преподавателей, ходатайствовал об учреждении кафедры римского права, преподавании древней классической литературы и древних языков, строго запрещал тайные общества в студенческой среде. Однако самым главным пунктом его программы явилось повсеместное введение в Виленском округе польского языка как основного, даже в исконно малороссийских землях, на которых ранее преподавание велось на русском или украинском языках. Таким образом,

русский язык в округе постепенно был возведен в число второстепенных предметов. Несмотря на свои либеральные взгляды, в сфере народного просвещения князь Чарторыйский делал ставку лишь на школы для мелкопоместного дворянства и духовенства, крестьянам же предлагалось „знать только соху, лопату и заступ”.²³

Со временем Чарторыйский надеялся на внедрение своей системы образования на территории всего Западного края России, однако его планы потерпели фиаско, ввиду растущего влияния иезуитов.²⁴ Почти неограниченная власть Адама Чарторыйского в польском крае стала для них ненавистна. Отцы-иезуиты во главе со своим лидером не хотели повиноваться учебному начальству и требовали для своих школ и коллегий полной автономии от попечителя Виленского округа. Загорелась открытая междоусобная война между представителями иезуитской верхушки и князем Чарторыйским. Последний не любил и опасался иезуитов, в силу их желания быть не только вне сферы его подчинения, но даже вне сферы контроля, и он не был уверен, что их активные проповеди могут принести пользу национальным интересам Польши.

Заветной целью иезуитов стало желание отделиться от Виленского учебного округа и создать собственный учебный округ. С этой целью они повели целенаправленную атаку на министра народного просвещения. Однако Разумовский не поддавался на их уловки. Тогда в дело включился посланник сардинского короля в России граф Жозеф де Местр, при активном посредничестве которого иезуитам удалось взять на некоторое время реванш. Де Местр в своих знаменитых письмах к графу Разумовскому подверг критике всю систему российского народного образования, подчеркивая что лишь иезуиты ставят рус-

²³ См. Сухомлинов (1889: 86–87).

²⁴ Представители монашеского ордена иезуитов-католиков, изгнанных папским бреве из всех государств Европы, нашли себе убежище в недавно присоединенной к России Белоруссии, благодаря веротерпимости Екатерины II. Уже при Павле I иезуиты начали перебираться в Санкт-Петербург, завоевывая царские милости. Вскоре „братья Иисусовы” стали открывать собственные школы в Санкт-Петербурге, Могилеве и Полоцке, добились возвращения их ордену имений, отобранных у них во времена польского владычества, а также добились посредством российского императора снятия папского запрета с осужденного Ватиканом ордена и формального признания существования ордена в России. См. Сухомлинов (1889: 87), Васильчиков (1880: т. 2: 79–80).

ский язык выше всего другого и почитают его, наравне с латинским, основным для преподавания. В заключение де Местр просил министра выхлопотать иезуитским училищам независимость от Виленского университета. Он подчеркивал, что если учительские места замещены будут чужеземцами, тогда придется попрощаться с отечественными науками, и в особенности пострадает от этого образование. Излагая науки на чужом языке, можно приготовить известное число ученых, но без родного языка невозможно распространить образование в массе.²⁵

Накануне Отечественной войны под влиянием патриотического подъема и растущей ксенофобии в обществе Министр народного просвещения принял ограничительные меры против частных пансионов, поставив деятельность иностранных преподавателей под жесткий контроль аттестационных комиссий, а также выхлопотав у императора 1 марта 1812 г. Высочайшую грамоту, уравнивавшую Полоцкую иезуитскую академию в правах с существующими университетами, подчинив ее только Министерству народного просвещения. Кроме того, в ведении Полоцкой академии были все иезуитские училища в России.

При Разумовском в школах повсеместно было введено преподавание закона Божьего, а главные праздники православных христиан (Рождество, Пасха, день Покрова, Святого Николая и др.) официально объявлены нерабочими днями. Кажется парадоксальным, что граф Алексей Кириллович, известный до того как завзятый космополит, порицавший все русское, превратился в страстного патриота России и невольного противника князя Адама Чарторыйского, что особенно ярко проявилось перед Отечественной войной 1812 г.

В биографиях двух влиятельных при российском дворе вельмож – Разумовского и Чарторыйского можно заметить любопытные совпадения, например, князь Адам вырос в поместье Пулавы (Люблинской губернии), которое, подобно Горенкам, являло собой очаг культуры и просвещения, так как мать его, княгиня Изабелла Чарторыйская, слывя одной из образованнейших женщин своего времени, не только превратила имение в идиллический райский

Илл. 5. Неизвестный художник, Вид усадьбы Пулавы, XIX век, акварель

Илл. 6. А. Косвэй, Портрет Изабеллы Чарторыйской

уголок, но и активно сотрудничала с известными общественными деятелями Польши и России (илл. 5, 6). В Пулавах сформировался тесный кружок польских патриотов, проводились совещания по политическим вопросам. Просветительская деятельность княгини широко развернулась с созданием в Пулавах в 1798 г. двух замечательных художественных музеев, занимавших помещения храма-ротонды Си-

²⁵ См. Васильчиков (1880: т. 2: 80–82); Бархатцев (1874: т. 1: 1150).

виллы и Готического домика.²⁶ Там же, в своем поместье, княгиня устроила народную школу, организовала врачебную помощь для крестьян, а впоследствии сама занялась литературной деятельностью, принесшей ей известность. Она активно переписывалась с французским поэтом Жаком Делилем, восхвалявшим прелести сельской жизни и писавшем о Пулавах в своей известной поэме *Сады*.²⁷ Чарторыйская также увлекалась садоводством, правда, растения интересовали ее не столько с научной, сколько с эстетической точки зрения. „Парк, деревья, кусты и уход за ними наполнили мои дни... Среди цветов и растений моя жизнь казалась мне более легкой... часто старые деревья напоминали мне о днях более счастливых”. Плодом ее наблюдений явилась книга *О разных способах разведения садов*.²⁸ Участь, постигшая Пулавы после смерти владельцев, схожа с участью усадьбы Горенки, о чем будет сказано ниже.

Несмотря на значительное влияние попечителя Виленского округа при дворе Александра I, он не избежал множества неприятностей, связанных с серией проверок, учиненных во вверенном ему округе, особенно в гимназии украинского города Кременца, открытой по предложению ближайшего помощника князя Чарторыйского Фаддея Чацкого и устроенной им в соответствии с целями и задачами скорейшей колонизации края (в ней не было ни одного этнически русского или украинского преподавателя). В ходе проверок выяснилось, что по отчетным документам Кременецкой гимназии преподавание ряда дисциплин в ней ведется на русском языке, по русским учебникам и русскоговорящими преподавателями, однако на самом деле этого не было. Хотя местное начальство соблюдало известную осторожность, скрыть правду об игнорировании русскоговорящего преподавательского состава и дискриминации

по национальному признаку при поступлении в учебные заведения Виленского округа от Министра народного просвещения не удалось. Разумовский потребовал подробные списки преподавателей, с указанием их национальности, изыскав возможности замены ряда польских преподавателей русскими. Также по всем училищам было строго предписано ввести в употребление изданную Главным правлением училищ Краткую российскую грамматику. Были также введены цензурные ограничения на издаваемые в Западном крае печатные издания.²⁹

Состоятельные слои общества, особенно дворянство, стремясь подчеркнуть свою сословную исключительность, отдавали своих детей в частные пансионы, успешно конкурировавшие с гимназиями и уездными училищами. Однако пансионы имели существенный недостаток, вызванный засильем иностранных преподавателей, чей уровень образования никто прежде не контролировал. Впервые при А. К. Разумовском был поднят вопрос об острой нехватке российских учителей и необходимости их подготовки, для чего в 1811 г. была пересмотрена система производства в чин. Кроме того, граф, вопреки собственным сословным предрассудкам, разрешил привлекать в качестве учителей духовенство и лиц податных сословий (мелкопоместных дворян, мещан, разночинцев, купцов). Министр также предложил ввести преподавание в частных пансионах на русском языке и обложить их 5% налогом. Полученные деньги планировалось употребить на создание особых училищ для обучения на казенный счет детей обедневших дворян и заслуженных лиц. Иностранные преподаватели обязаны были сдать экзамены на профессиональную пригодность.

Граф добился открытия Царскосельского лицея – прообраза элитной закрытой школы, с одной стороны, соединяющей в себе программы гимназической и университетской подготовки, с другой – удовлетворяющей сословные претензии дворянства (илл. 7). Лицей был уравнен в правах с университетами, однако имел статус независимого учебного заведения, не подчиняю-

²⁶ В коллекции княгини Изабеллы Чарторыйской хранятся редкие часословы и драгоценности герцога Бранбургского, а также архивы короля Польши Станислава Августа Понятовского, с которым княгиня находилась в близких отношениях, кроме того, знаменитая *Дама с горностаем Леонардо*, *Портрет молодого человека Рафаэля*, множество античных и египетских археологических находок, лиможские эмали, коллекции французских гобеленов, доспехов и оружия. См. Чарторыйский (1998: 18–22); Aleksandrowicz (2011).

²⁷ Делиль (1816).

²⁸ Czartoryska (1807).

²⁹ В прибалтийских губерниях (районе Дерптского учебного округа) не существовало такого острого национально-политического вопроса, как в Виленском округе. Однако и в нем в некоторых случаях реформам Разумовского оказано было прямое сопротивление со стороны местных привилегированных корпораций.

шегося Министерству народного просвещения. Подобно тому, как граф Разумовский обустроил и лелеял свой подмосковный ботанический сад в Горенках, так и в лицее он приложил не меньше усилий, чтобы создать первоклассное, штучное учебное заведение, предназначенное для подготовки российской просвещенной элиты. Для увеличения числа учащихся, подготовленных по единой методике, министр учредил Лицейский благородный пансион, по окончании которого выпускники продолжали свое обучение в стенах Царскосельского лицея. Своего попечителя лицеисты побаивались, но относились с уважением, хотя и не без иронии. Так, в литературе есть упоминание одной расхожей карикатуры на А. К. Разумовского, изображающей льва, сидящего на своей добыче, в синей ленте через плечо, и держащего в лапе медаль на цветной ленточке, а перед ним инспектора лицея С. С. Фролова в образе зайца, сидящего на задних лапках с красной лентой и орденом на шее.³⁰

Чаще всего министру приходилось заниматься ежедневной канцелярской рутинной, бесконечными согласованиями и планированиями, поиском средств на нужды образования. Не расположенный от природы к рутине, Алексей Кириллович, тем не менее, старался ответственно подходить к своей работе, хотя часто жаловался на ее бесцельность. Он скучал по Москве, а больше всего по своему детищу – Горенкам. В письме своему зятю С. С. Уварову граф писал: „Горенки – это творение, заниматься которым доставляет мне большое удовольствие и где я обрел сладостный покой, гораздо более близкий моему сердцу, чем то шумное общество, в котором сейчас вращаюсь”.³¹ Охладев к службе, в последние два года своей министерской карьеры граф редко занимался государственными делами (и даже в 1815 г. испросил себе длительный отпуск, чем вызвал неудовольствие императора). Однако неприятным для него стал тот факт, что поддерживаемые им иезуиты, почувствовав

Илл. 7. А. С. Пушкин, Царскосельский лицей, рисунок

свою безнаказанность, стали открыто обращаться в католицизм петербургскую молодежь. В то же время, к несчастью для иезуитов, в столичном обществе распространялось влияние протестантских сект с мистическим уклоном, враждебных их учению.

Многие влиятельные люди при российском дворе стали требовать ужесточения мер против католических проповедников и закрытия иезуитских учебных заведений. Со своей стороны, Адам Чарторыйский и его сторонники активно убеждали государя покончить с пропагандой „братьев Иисусовых”. В опалу попал и граф де Местр, друг и наставник Разумовского. В конечном счете, вердикт о закрытии иезуитских училищ, выселении всех монахов иезуитского ордена из столицы, запрете им въезда в Санкт-Петербург и Москву был вынесен без ведома Разумовского. 20 декабря 1815 г. графу было спущено предписание к необходимым мерам против иезуитов, было им, долгие годы поддерживающим последних, и, вдобавок, мнительным человеком, расценено в качестве личного оскорбления. Брат Алексея Кирилловича А. К. Разумовский писал 15 марта 1816 г.: „С тех пор, как я здесь, наш старший брат почти не выходит из своей комнаты... Для меня лично гораздо понятнее выход его в отставку, чем поступление на службу. Он на моих глазах ужасно постарел, у него выпали все зубы из верхней челюсти”.³²

Неудача в борьбе с Чарторыйским за обрусение Западного края и недоверие правительства к иезуитам вынудили Разумовского уйти с государственного поста, что он и сделал в 1816 г.

³⁰ См. Грот (1998: 351–352). Академик Яков К. Грот, отец автора книги, был выпускником Царскосельского лицея.

³¹ Текст приводится в оригинале на фр. яз.: *Gorenki est une création qui m'occupe bien agréablement et où j'ai toujours retrouvé les charmes d'une délicieuse retraite bien plus analogue à mes goûts, que le cercle bruyant dans lequel je me trouve placé maintenant.* См.: Бондаренко (1912: 69).

³² См. Васильчиков (1880: 103).

Илл. 8. Вид дворца в Горенках, фотография, современный вид

Илл. 9. Вид дворца в Пулавах, фотография, современный вид

Прошение об отставке было немедленно удовлетворено. Охлаждение императора к министру начало проявляться еще в послевоенные годы, под влиянием резко изменившихся в обществе ценностей, не менее резко изменившегося характера самого Александра I, а также не без доносов недоброжелателей Разумовского, в числе которых были и А. Е. Чарторыйский, и А. А. Аракчеев, и преемник графа на посту попечителя Московского университета П. И. Голенищев-Кутузов, и даже выдвинутый самим Разумовским на пост директора Царскосельского лицея, Е. А. Энгельгардт.

После отставки стареющий граф Разумовский около двух лет жил затворником в Горенках, однако последние годы провел в Малороссии, в своем имении Почепе (ныне Брянская область), где и умер 5 апреля 1822 года. Усадьбы Разумовских в Малороссии были обустроены столь же тщательно, как и подмосковные, с тем исключением, что в них владелец уже не создавал ботанических садов, равных горенскому по масштабу и затратам сил и средств, довольствуясь скромными оранжереями.³³ После смерти

своего владельца усадьба Горенки претерпела немало превратностей судьбы. Ветшающую усадьбу у наследников вскоре купил князь Н. Б. Юсупов, вывезший из нее всю садовую скульптуру и редкие растения для украшения своего подмосковного имения Архангельское. Впоследствии усадьба сменила еще трех владельцев, устроивших в ней ткацкую фабрику. В 1910 г. имение было приобретено промышленником и меценатом В. П. Севрюговым, который поручил реставрацию и перестройку главного дома в Горенках ведущему московскому архитектору С. Г. Чернышову (илл. 8).³⁴ Были также перестроены и оранжереи. Усадебная церковь после ее разрушения в 1812 г. не восстанавливалась.

С 1926 г. в усадьбе находится противотуберкулезный санаторий. Несмотря на сохранность большинства строений, последние находятся в плачевном состоянии и требуют пристального изучения и реставрации. Парк сильно запущен, а бывший в начале XIX столетия европейским чудом, научный ботанический сад в Горенках бесследно исчез, оставив по себе лишь немногочисленные воспоминания современников. Лишь специалисты знают имя владельца и отдельные детали его жизни и деятельности. Много в судьбе графа А. К. Разумовского неясно, его биография не освещена должным образом и требует пристального и глубокого изучения.

Подобно Горенкам, имение Чарторыйских также уцелело, но использовалось сторонними организациями, сильно изменившими его облик.³⁵ Несмотря на сохранность фасада пулав-

³⁴ См. ОПИ ГИМ (1947: сд. хр. 51).

³⁵ В Пулавах сохранился дворцово-парковый ансамбль в духе классицизма (1785–1810, архитектор Х. П. Айгнер) – один из крупнейших в Польше (с конца XVIII в. – резиденция Чарторыйских). В пейзажном парке – дворец (первоначально барочный, около 1676, архитектор Тильман Гамерский; перестроен около 1809), дворец Маринки (1790–1794), костёл (1800–1803), парковые павильоны Храм Сивиллы (1798–1801) и Готический домик (1800–1809). См. Pauszer-Klonowska (1978); В Пулавах до 1914 г. размещался Новоалександрийский агрономический институт, при котором имелся один из лучших в России и Европе музеев сельского хозяйства, ветеринарная клиника, метеорологическая станция, оранжереи и лесные питомники. Коллекции предметов искусства частично были переданы в другие музеи Польши или разграблены во время многочисленных погромов, которым подвергались Пулавы. С началом Первой мировой войны в 1914 году институт был эвакуирован в Харьков. В 1916 году на базе оставшихся в Новоалександрии подразделений института был создан Научно-исследовательский институт сельского хозяйства.

³³ См. Гун (1894: 48–50); Записка (1894)

ского дворца, большая часть его внутреннего убранства утрачена. В настоящее время ведутся работы по реставрации уцелевших интерьеров (илл. 9).

Архивные источники

- Корсаков 1810 = Корсаков, А. И.: „Поездка в Горенки графа А. К. Разумовского”, рукопись, 1810. Отдел рукописей Российской Государственной библиотеки, Москва.
- ОПИ ГИМ 1947 = Отдел письменных источников Государственного Исторического музея (ОПИ ГИМ), Москва, ф. 526, ед. хр. 51–52, 1947.

Библиография

- Бархатцев 1874 = Бархатцев, С[ергей]: „Из истории Виленского учебного округа”, *Русский архив*, 1/4 (1874).
- Бондаренко 1912 = Бондаренко, И[лья] Е.: „Горенки”, *Старые годы*, 12 (1911): 69–70.
- Ботанические сады 2007 = „Ботанические сады от истоков до XVIII века”, *Наука и жизнь*, 2 (2007): 28–32.
- Васильчиков 1880 = Васильчиков, А[лександр] А.: *Семейство Разумовских*, тт. 1–2, Брикнер, Санкт-Петербург 1880.
- Вигель 1928 = Вигель, Ф[илипп] Ф.: *Записки*, т. 1, Москва 1928: 54.
- Греч 2000 = Греч, Н[иколай] И.: *Записки о моей жизни*, Изд. Захаров, Москва 2000.
- Грот 1998 = Грот, К[онстантин] Я.: *Пушкинский лицей (1811–1817)*, Санкт-Петербург 1998.
- Гун 1894 = Гун, О[ттон] фон: *Поверхностные замечания по дороге от Москвы в Малороссию в осени 1805 г.*, ч. 1–3, Тип. Л. Бекетова, Москва 1894.
- Делиаль 1816 = Делиаль, Ж[ак]: *Сады или искусство украшать сельские виды (Les jardins ou L'art d'embellir les paysages)*, Санкт-Петербург 1816.
- Записка 1894 = „Записка о последних годах жизни графа А. К. Разумовского в Малороссии, его кончине и похоронах”, *Киевская старина*, 3 (1894).
- Липшиц 1947 = Липшиц, С[ергей] Ю.: *Русские ботаники. Биографический словарь*, Московское общество испытателей природы, Москва 1947.
- Любецкий 2006 = Любецкий, С[ергей] М.: *Московские окрестности [ближние и дальние, за всеми заставами, в историческом отношении и в современном их виде для выбора дач и гулянья]*, Евролинц-Монолит, Москва 2006.
- Любецкий 2008 = Любецкий, С[ергей] М.: *Старина Москвы и русского народа в историческом отношении с бытовой жизнью русских. Московские окрестности*, Москва 2008.
- Любимов 1914 = Любимов, С[ергей] В.: *200-летний юбилей Императорского Ботанического сада Петра Великого*, Ботанический сад, Санкт-Петербург 1914.
- Половцов 1910 = Половцов, А[лександр] А.: *Русский биографический словарь*, Типография Императорской академии наук, т. 15, Санкт-Петербург 1910: 426.
- Рождественский 1902 = Рождественский, С[ергей] В.: *Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения, 1802–1902*, Санкт-Петербург 1902.
- Ростопчин 1992 = Ростопчин, Ф[едор] В.: „Записки о 1812 году» [в:] *Ох, французы*, Г. Д. Овчинникова (сост. и прим.), Русская книга, Москва 1992.
- Сухомлинов 1889 = Сухомлинов, М[ихаил] И.: *Исследования и статьи по русской литературе и просвещению*, т. 1, Изд. А. С. Суворина, Санкт-Петербург 1889.
- Тарунов 1992 = Тарунов, А[лексей] М.: „Быль заглохшего сада”, *Памятники Отечества*, 25 (1992): 102–109.
- Хотеевков, Иванова 1999 = Хотеевков, В[ладимир] Ф., Иванова, Л[юдмила] Ф.: „Из угождения к воле Государя”, *Высшее образование в России*, 5 (1999): 148–156.
- Чарторижский 1998 = Чарторижский, А[дам]: *Мемуары*, Терра, Москва 1998.
- Aleksandrowicz 2011 = Aleksandrowicz, Alina: *Różne drogi do wolności: Puławy Czartoryskich na przełomie XVIII i XIX wieku: Literatura i obyczaj*, Towarzystwo Przyjaciół Puław, Puławy 2011.
- Czartoryska 1807 = Czartoryska, Izabela: *Mysli różne o sposobach zakładania ogrodów*, Wrocław 1807.
- Fischer 1812 = Fischer, Friedrich Ernst Ludwig von: *Catalogue du Jardin des Plantes de son Excellence Monsieur Comte Alexis du Razoumoffsky á Gorenki*, Moscou 1812.
- Pauszer-Klonowska 1978 = Pauszer-Klonowska, Gabriela: *Pani na Puławach*, Czytelnik, Warszawa 1978.

Yulia P. Shapchenko

Count Alexey Razumovsky as a statesman and landlord

All Razumovskys' family biographers confirm that a count Alexey Kirillovich had very strict personality, at the same time showing wide erudition and passion to sciences. He was a Chamber Junker at the 1st stage of his career. After that he resigned for a long time. During the period of the Emperor Pavel I rule Razumovsky did not serve anywhere, being engaged in his private estates arrangements. In 1805 he established a unique botanic garden in Moscow suburban estate Gorenky which he inherited from his father in the end of 18th century. After long standstill Razumovsky was invited to the state service, for the position of the guardian of the Moscow University (from 1807 to 1809). Between 1810–1816 he was the Minister of public education. Nearly all his life he spent in the patrimony Gorenky. For a short period his garden achieved a high degree of perfection, mostly because of lucky choice of invited specialists responsible for keeping the garden in Gorenky.